

Глава 25

Линь Цзао и Линь Сяобао не слишком жаловали жирное мясо, поэтому сегодня на ужин были свиные уши.

Положив на разделочную доску ароматное, пропитанное маринадом ухо, Линь Цзао слегка наклонил нож и принялся нарезать его тонкими ломтиками.

Лезвие ножа, коснувшись упругой кожи, сперва шло легко. Затем, наткнувшись на тонкий хрящик, встречало короткое сопротивление — и снова проваливалось в податливую мякоть, с глухим стуком ударяясь о доску.

Нарезав половину уха, Линь Цзао аккуратно выложил ломтики на тарелку и полил их ложкой маринада. Поскольку есть должен был и Сяобао, в соусе не было перца — только соль и пряности.

Для себя же Линь Цзао приготовил отдельную заправку.

Один красный перчик, нарезанный колечками, два измельчённых зубчика чеснока, щепотка соли, немного соевого соуса и бальзамического уксуса, а для яркости вкуса — капелька сахара. Всё это он тщательно перемешал.

От одних только свиных ушей можно было быстро пресытиться, поэтому на гарнир Линь Цзао приготовил кисло-сладкую капусту. Её лёгкая, едва уловимая кислинка приятно щекотала нос, возбуждала аппетит и идеально дополняла основное блюдо.

Завершал ужин наваристый суп из свиных рёбрышек с кордицепсом.

Вот таким был ужин их маленькой семьи.

Завтрак и обед они сегодня объединили, сэкономив тем самым продукты. Так что сытный ужин был вполне заслуженным!

Линь Цзао отложил порцию в контейнер и термос, чтобы отнести Фу Чэну.

Он подумал, что у Фу Чэна, как и у всех зомби, наверняка чешутся зубы — иначе с чего бы им гоняться за людьми и пытаться их укусить? Поэтому он специально положил в суп косточку, чтобы Фу Чэну было что погрызть.

Тем временем Линь Сяобао, встав на свою маленькую скамеечку, вымыл руки, а затем на цыпочках открыл шкафчик с посудой и принялся считать палочки.

— Одна... две... три... четыре!

Готово!

Схватив палочки, Линь Сяобао уже собирался было вернуться за стол, как вдруг заметил дымящийся на столе суп.

Он снова повернулся к шкафчику и достал две маленькие металлические ложки.

— Одна... две...

Суп нужно есть ложкой, чтобы не обжечься.

Он на цыпочках, вытягивая шею, расставил на столе свои маленькие детские палочки, папины — для взрослых, и две ложки. Но из-за своего маленького роста он не видел, что творится на столе, и расставил всё не слишком ровно.

Когда Линь Сяобао закончил, вернулся и Линь Цзао.

Он нарочно не стал ничего говорить, замедлил шаг и, подкравшись на цыпочках, протянул руки.

— Ага! Попался, маленький Сяобао!

Линь Цзао подхватил сына под мышки и поднял в воздух.

— Какой трудолюбивый малыш расставляет приборы! Неужели он приглашает Великого Короля на ужин? Какая дерзость!

— Да, — спокойно ответил Линь Сяобао, болтая в воздухе ножками. — Мы садимся ужинать.

Не получив ожидаемой реакции, Линь Цзао легонько встряхнул его.

— Сяобао, будь серьезнее! Я — Великий Проглот, и я съем всё, что есть на столе, а тебе ничего не оставлю!

— Ты не Великий Король.

— Нет, я Великий Проглот! Сокращённо — Король!

Линь Цзао, продолжая его покачивать, рассмеялся злодейским смехом из мультфильма.

— Ха-ха-ха!

— Ты — папа.

Линь Сяобао вздохнул, повернул голову и с укоризной посмотрел на него.

— Папа, я давно понял, что это ты. Ты ешь даже меньше, чем большой папа. Ты такой...

Он не договорил, но Линь Цзао и так всё понял.

Линь Сяобао хотел сказать:

«Папа, ты такой глупый!»

Линь Цзао надул губы и усадил сына в детский стульчик.

— Как ты догадался? Я же изменил голос.

Линь Сяобао поднял голову.

— Потому что от папы пахнет солнышком и подушкой. Этот запах никуда не денется, даже если ты превратишься.

— Я изменил голос, а не превратился.

Линь Цзао взял его детскую миску и наложил туда риса.

— Давай ешь.

— Спасибо, папа.

Линь Сяобао одной рукой придерживал миску, а другой сжимал детские палочки. Он вытянул руку, пытаясь подцепить аппетитный румяный ломтик свиного уха.

Но ломтик был маленьким и скользким, и стоило палочкам его коснуться, как он тут же ускользал.

— Ох, какой противный.

Линь Сяобао смущённо почесал в затылке и снова попытался, но свиное ухо снова убежало.

— Противный... не смей больше убежать!

Линь Сяобао привстал со стульчика и, словно охотящийся котёнок, ринулся в атаку.

И вот результат: ломтик выскользнул из тарелки и оказался на столе.

— Ах! Ты — свиное ухо, а не свиная нога! У тебя нет ног, ты не можешь бегать! Стой, кому говорят!

На этот раз Линь Сяобао рассердился не на шутку!

Он закатал рукава, весь его вид выражал гнев и готовность к бою.

Он столько лет ел, и ещё ни одно блюдо не смело так с ним поступать!

Сегодня он во что бы то ни стало съест этот кусок!

Он снова попытался, мясо снова ускользнуло.

Он ещё раз, мясо ещё раз.

И ещё, и ещё!

После нескольких попыток ломтик оказался на самом краю стола.

Линь Сяобао в последний раз протянул палочки, но смог лишь беспомощно наблюдать, как свиное ухо соскальзывает со стола.

— Папа! Плохо дело! Оно сейчас упадёт на пол!

Линь Цзао, сдерживая смех, подставил под край стола миску сына.

Ломтик точно угодил в неё, и Линь Цзао вернул миску на место.

— Держи.

— Спасибо, папа, ты такой молодец.

— И ты молодец, — Линь Цзао показал ему большой палец. — Очень настойчивый, очень упорный. Готов преследовать кусок мяса до края света. Настоящий «маленький мясной убийца».

— Ну конечно!

Линь Сяобао инстинктивно выпятил грудь, но на полпути вдруг почувствовал что-то неладное.

Кажется... папа его не хвалил.

— Папа! — сердито топнул ножкой Линь Сяобао.

— Хорошо, что я протёр стол, иначе этот кусок нельзя было бы есть.

Линь Цзао положил ему в миску ещё два ломтика.

— Держи, ешь не торопясь. Если в следующий раз не сможешь подцепить, позови папу на помощь, и не смей больше вытирать стол свиными ушами.

— Понял.

Но даже когда папа положил ломтики ему в миску, он всё равно не мог их подцепить.

Линь Сяобао надул губы, наклонился к миске и палочками подтолкнул мясо к самому краю.

Широко открыв рот, он одним движением сгрёб его.

Наконец-то съел! Какая радость!

Линь Цзао украдкой взглянул на него и, боясь рассмеяться, быстро отвернулся к своей тарелке.

— Раз уж оно в миске, можешь взять рукой.

— Нет, я не дикарь, я буду есть палочками.

— Ладно.

Линь Сяобао, надув губы, съел ещё несколько ломтиков.

Белый хрящик в середине оказался слишком твёрдым для его молочных зубов, и он не мог его разжевать.

Есть было трудно.

Линь Сяобао украдкой покосился на папу.

Убедившись, что тот не смотрит, он осторожно отложил палочки и схватил ломтик рукой!

Ох, как будто резинку жуёшь!

Слишком сложно!

Линь Цзао уткнулся лицом в миску и съел несколько ложек риса.

Не смеяться, не смеяться.

Нельзя подрывать веру Сяобао в то, что он может есть свиные уши.

Нельзя...

— Пф-ф...

Линь Цзао всё-таки не выдержал и прыснул со смеху.

Линь Сяобао, услышав это, тут же поднял голову.

— Папа...

Линь Цзао тоже взял рукой ломтик, забросил его в рот и с хрустом разжевал.

Он с улыбкой посмотрел на сына.

— М? Что такое?

Оказывается, папа тоже ест руками, тогда всё в порядке!

— Ничего.

Линь Сяобао наклонил голову, посмотрел на папу и сдержанно откусил кусочек кожицы.

Какие у папы острые зубы, он ест свиные уши и не выплёвывает хрящики.

После ужина отец и сын навели порядок на столе, взяли лекарства, бинты и спустились на первый этаж.

Юньнань Байяо и чистых бинтов, которые они уже дважды использовали для Фу Чэна, оставалось не так много, приходилось экономить.

Поэтому сегодня Линь Цзао решил обработать только самую большую и серьёзную рану на груди Фу Чэна.

Остальные, не такие глубокие, он оставил на завтра.

Железная дверь в кладовую была закрыта, Фу Чэн ужинал.

Линь Цзао без церемоний, даже не постучав, толкнул дверь.

— Чэн-гэ, я пришёл!

Вот так, без стука, врывается любовь — дерзкая, как грабитель!

Фу Чэн, держа в руках термос, допивал последние капли супа. Увидев Линь Цзао, его глаза заблестелись.

Добро пожаловать! Добро пожаловать, мой Сяо Цзао!

Только что поел еду, приготовленную Сяо Цзао, и вот он уже здесь.

Какой счастливый день.

Линь Цзао подошёл и забрал у него термос.

— Поел? Если поел, давай обрабатывать раны.

Увидев, что термос пуст, Линь Цзао успокоился и передал его Линь Сяобао.

— Сяобао, поддержи.

— Хорошо.

Линь Сяобао, подражая отцу, тоже заглянул внутрь.

Ого, большой папа так чисто всё съел, можно смотреться как в зеркало.

В этот момент Фу Чэн дожевдал то, что было у него во рту, и проглотил.

Хрусть-хрусть...

Линь Цзао и Линь Сяобао невольно подняли головы и с недоумением посмотрели на него.

Ты же пил суп, что ты там жевал?

В следующую секунду Линь Цзао широко раскрыл глаза и вскрикнул.

— А! Чэн-гэ! Ты и кости из супа съел!

Он бросился к нему, схватил за лицо и попытался разжать ему челюсти.

Фу Чэн молча оскалил острые клыки.

«Сяо Цзао, имей уважение, я — зомби!»

«Ах, да».

Линь Цзао поспешно отдёрнул руки.

Прости, он забыл, что Чэн-гэ теперь зомби.

Линь Сяобао, стоявший рядом, восторженно выдохнул:

— Ого!

Оказывается, самые острые зубы в их семье — у большого папы!

— Сяобао, отнеси пока контейнер и термос наверх, папа потом помоеет.

— Я и сам могу!

Линь Сяобао, обняв посуду, побежал наверх.

Линь Цзао, усадив Фу Чэна, развязал бантик на его плече.

— В следующий раз не ешь кости! Хотя нет, я просто не буду их тебе давать.

Фу Чэн сидел смиренно, позволяя ему делать всё, что угодно.

Линь Цзао осторожно снял повязку и внимательно осмотрел рану.

Наверное, у зомби организм особенный. У обычного человека от такой раны кровь бы лилась рекой, и на заживление ушёл бы месяц, не меньше.

А рана Фу Чэна заживала на глазах.

Она уже покрылась корочкой, а края успели срастись.

Когда он снял повязку, рана даже не открылась.

Всего за день он восстановился так, как обычный человек восстанавливался бы полмесяца.

Линь Цзао взял полотенце и принялся аккуратно протирать мощную грудь и живот Фу Чэна, стирая засохшую кровь.

Но по какой-то причине, как только полотенце коснулось его кожи, Фу Чэн напрягся всем телом.

Из его горла вырвалось глухое урчание, а кадык дёрнулся.

Линь Цзао ничего не заметил. Ему было неудобно стоять, и он присел на корточки.

Он сидел перед Фу Чэном и, подняв голову, продолжал протирать рану.

Одно пятно никак не оттиралось, и Линь Цзао, надавив пальцем через полотенце, принялся тереть сильнее.

Тёплое прикосновение через перчатку и ткань отпечаталось на груди Фу Чэна.

Фу Чэн смотрел на Линь Цзао, его дыхание сбилось, он крепко сжал кулаки, а мышцы напряглись ещё сильнее.

— Завтра я снова сварю тебе лечебный суп, — говорил Линь Цзао, продолжая своё дело. — Какой хочешь?

Фу Чэн, конечно, не мог ответить, да Линь Цзао и не ждал ответа.

— С редькой? С нотоженьшенем? С американским женьшенем?

Фу Чэн смотрел на сосредоточенное лицо Линь Цзао.

Какой суп? Что за суп дал ему Сяо Цзао?

Почему ему так жарко?

Фу Чэн слегка наклонил голову, его глаза горели красным огнём, всё ярче и ярче.

Он облизнул острые клыки.

Почему зубы чешутся?

Почему руки сами собой сжимаются в кулаки?

Почему сердце колотится как бешеное?

Он съел слишком много человеческой еды и почти забыл, что самая вкусная еда — прямо перед ним.

Фу Чэн опустил голову, его взгляд впился в белую шею Линь Цзао, он наклонялся всё ближе, ближе...

Ближе...

В следующую секунду Линь Цзао отложил полотенце и резко встал.

— Ой!

Фу Чэн закрыл лицо руками и отвернулся.

Линь Цзао поспешно подбежал к нему.

— Чэн-гэ, я тебя ударил? Куда? Рану не задел?

— Я не нарочно! Прости!

— Не закрывайся, дай посмотреть! Быстрее! Ничего страшного, я в перчатках!

Линь Цзао отвёл его руки от лица и внимательно осмотрел.

Ничего особенного, просто...

Новые, острые зубы Фу Чэна поранили ему губу.

Линь Цзао не сдержался и рассмеялся, а потом нарочно спросил:

— Если зомби укусит сам себя, вирус в его организме удвоится? Или минус на минус даст плюс, и он снова станет человеком?

Фу Чэн стиснул зубы и пристально посмотрел на него.

«Смеёшься? Ещё смеешь смеяться?»

«Вот сейчас как укушу за шею! Крепко-крепко!»

«И не отпущу, хоть плачь, хоть умоляй!»

Линь Цзао, конечно, не догадывался о его мыслях. Он собрал грязные бинты и принялся накладывать новую повязку.

Фу Чэн, нахмурившись, не сводил с него глаз, выжидая удобного момента для нападения.

Но, к его сожалению, Линь Цзао больше не подставлял ему свою шею.

Такого удобного случая больше не представилось.

— Готово, — Линь Цзао завязал бантик. — Завязал. Не трогай, я завтра приду.

Фу Чэну оставалось лишь, нахмурившись и сжав кулаки, провожать его взглядом.

Линь Цзао вышел из кладовой и закрыл за собой железную дверь.

Он не разбирался в зомби, но он хорошо знал своего Чэн-гэ.

И он почувствовал, что в середине процедуры тот стал каким-то странным.

Странный взгляд, странное выражение лица, странные движения.

Линь Цзао коснулся щеки, помедлил и всё-таки запер дверь на засов.

На всякий случай.

Но беспокойство не отпускало. Он снова притащил скамейку, встал на неё и заглянул в окошко.

Ничего особенного он не увидел.

Фу Чэн, весь в ранах, подошёл к стене, упёрся в неё лбом и замер.

Словно отбывая наказание.

Зомби должны быть холодными, так почему же его тело горит?

Внутри, в сердце, бушует огонь, который никак не унять!

Что же за зелье подлил ему в суп Сяо Цзао?!

<http://bllate.org/book/16977/1586192>